

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

Жан-Кристоф Гранже

Полет аистов

Багровые реки

Братство камня

Черная линия

Империя Волков

Присягнувшие Тьме

Мизерере

Лес мертвецов

Пассажир

Кайкен

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ

БРАТСТВО КАМНЯ

АЗБУКА

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Г 77

Jean-Christophe Grangé
LE CONCILE DE PIERRE
Copyright © Éditions Albin Michel S.A. — Paris 2000

Перевод с французского Елены Клоковой
Серийное оформление и оформление обложки
Вадима Пожидаева

Гранже Ж.-К.

Г 77 Братство камня : роман / Жан-Кристоф Гранже ; пер. с фр. Е. Клоковой. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. — 352 с. — (Звезды мирового детектива).

ISBN 978-5-389-11638-2

«Братство камня» — третий роман Жан-Кристофа Гранже, на основе которого в 2006 году вышел одноименный фильм с участием таких звезд, как Моника Беллуччи, Катрин Денёв и Мориц Блайбтрой. Диана Тиберж в отрочестве стала жертвой насилия, наложившего отпечаток на всю ее дальнейшую жизнь. Она обретает счастье и покой, усыновив в Таиланде мальчика, которого называет Люсьеном. В Париже они попадают в автомобильную катастрофу. Люсьен при смерти, но немецкий врач выводит его из комы. В ту же ночь врача убивают. У Дианы возникает подозрение, что дорожная авария была хорошо спланированным покушением на Люсьена. Расследование приводит ее в далекую страну. Здесь она наконец узнает правду, которая ужаснет даже закаленных любителей закрученных сюжетов...

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-11638-2

© Е. Клокова, перевод, 2008
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательская
Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

Посвящается Виржини Люк

I

Первые знаки

На все про все у Дианы Тиберж было сорок восемь часов.

Из бангкокского аэропорта она должна была вылететь внутренним рейсом на Пхукет, а оттуда отправиться на север, чтобы добраться до Такуа-Па, что на побережье Андамского моря, переночевать в гостинице и в пять утра продолжить свой путь. В полдень она будет на границе с Бирмой, в Ранонге, и там, в глубине мангровых лесов, обретет наконец то, ради чего все было затеяно. Потом ей останется только проделать обратный путь и в понедельник вечером улететь международным рейсом в Париж. Разница во времени будет ей на руку — она выиграет пять часов и в понедельник утром, 6 сентября 1999 года, сможет выйти на работу. Свежая как цветок.

Вот только рейс на Пхукет задерживался.

Все шло не по плану.

Жестокий спазм скрутил внутренности Дианы, к горлу подступила тошнота, и она ринулась в туалет. «Это из-за разницы во времени. План здесь ни при чем». В следующее мгновение ее вывернуло наизнанку. Кровь пульсировала в венах, лоб покрылся холодной испариной, сердце билось толчками, отзываясь болью во всем теле. Диана взглянула на себя в зеркало. Смертельно бледное лицо. Выющиеся светлые волосы. В этой стране, населенной миниатюрными женщинами с темными гладкими волосами, они выглядели особенно нелепо, как, впрочем, и ее рост — сильно выше среднего, из-за которого она так комплексовала в юности.

Диана умылась, протерла золотое колечко с шариком в правой ноздре, надела маленькие хипповые очки и вернулась в зал транзитных пассажиров. Майка болталась на ней как на вешалке. Воздух из кондиционеров показался ей ледяным.

Диана подошла к табло. Рейс на Пхукет так и не объявили. Она прошлась по залу, то и дело натываясь взглядом на щиты с грозным предупреждением на тайском и английском: *«Любой, у кого при аресте на территории Таиланда обнаружат тяжелые наркотики, будет приговорен к смертной казни через расстрел»*. Мимо прошли двое полицейских. Униформа цвета хаки. Винтовки с усиленным прикладом. Она закусила губу: все в этом треклятом аэропорту казалось ей враждебным.

Диана села и попыталась унять дрожь. В тысячный раз за утро она прокрутила в голове детальный план путешествия. Все должно получиться. Это ее выбор. Ее жизнь. Ей не придется возвращаться в Париж с пустыми руками.

В 14:00 чартер на Пхукет наконец вылетел. Диана потянула пять с половиной часов.

Сойдя с трапа, она попала в настоящие тропики и вздохнула с облегчением. По небу плыли голубоватые, подсвеченные серебром облака. В конце взлетно-посадочной полосы трепетали листвою бледные деревья, ветерок поднимал с земли беспокойные фонтанчики пыли. Но главное — запах. В воздухе пахло муссоном: запах был особый — обжигающий, душный, наполненный ароматами фруктов, дождя, гниения. Наверное, так благоухает жизнь в высшей своей точке, на пороге смерти. Диана зажмурилась от восхищения и едва не полетела кубарем со ступенек.

Шестнадцать часов.

В агентстве по прокату автомобилей она выхватила у служащей ключи и побежала на стоянку. В дороге начался дождь, почти сразу перешедший в настоящий ливень. Мутные струи с оглушающим стуком обрушивались на капот. «Дворники» не справлялись с потоками красно-бурой

грязи. Диана вела машину, не отрываясь от ветрового стекла, пальцы на руле побелели от напряжения.

Восемнадцать часов. На закате ливень стих. Окрестный пейзаж в сумерках переливался серебром. Мимо проносились рисовые поля, коричневые дома на сваях, золотошерстные буйволы с длинными острыми рогами. Резные храмы с приподнятыми крышами... Сверкали молнии, прорезая бархат черных, с алым подбоем туч.

В восемь вечера Диана добралась до Такуа-Па. Напряжение отпустило ее: несмотря на все накладки и панику, она успела вовремя.

Она нашла гостиницу в центре города, рядом с водонапорной башней, поужинала на террасе под навесом и почувствовала себя намного лучше. Снова пошел дождь, овевая ее благодатной прохладой.

Тут-то они и появились. Слишком ярко покрашенные девчушки в мини-юбках из искусственной кожи и вульгарных дешевых топиках. Диана дала бы им не больше десяти-двенадцати лет. На высоких каблуках они выглядели карикатурой на взрослых женщин. Светловолосые великаны на другом конце зала многозначительно подталкивали друг друга локтями. Немцы, а может, австралийцы, плотные, как говяжий оковалок. Диана уловила во взглядах мужчин неожиданную враждебность, словно ее присутствие мешало обитателям маленького мирка вести свою игру.

Она почувствовала горечь во рту. И сегодня, в тридцать лет, мысль о сексе вызывала у нее физическое ощущение тошноты. Диана ушла в свой номер, даже не обернувшись, — она не чувствовала ни малейшего сострадания к «живому товару».

Устроившись под сеткой от москитов, она мысленно вернулась к своей главной цели, а перед тем как заснуть, вспомнила щиты с грозным предупреждением, униформу патрульных, тупые приклады винтовок. Ей померещился лязг засовов, далекий гул вертолетных винтов...

В пять утра Диана была уже на ногах. Давешнее смятение испарилось. Солнце встало. В открытое окно, словно буря в иллюминатор корабля, врвалось все буйство тропических красок. Диана чувствовала: если понадобится, она перевернет вверх дном все джунгли.

В Ранонг она попала до полудня. Как и планировала. Море солеными болотцами проглядывало между деревьями. Где-то в глубине водного лабиринта скрывалась бирманская граница. Один из рыбаков сразу согласился довести ее до места, и лодка заскользила по черным волнам. Жара, яркий свет, стоящие зеленой стеной по берегам заросли... У Дианы пересохло в горле, ей было невыносимо жарко, но она жадно впитывала каждое впечатление.

Часом позже они высадились на длинной песчаной косе, где стояло несколько бетонных строений. Вылезая из лодки, Диана испытывала детское чувство торжества: у нее получилось! На планете не было такого места, куда она не сумела бы добраться...

Несмотря на полуденный зной, перед приемным покоем играли дети — темноволосые, с черными, в пушистых ресницах глазами. Диана вошла в главное здание и попросила вызвать Терезу Максвелл. Она обливалась потом, представляя себе, что вот-вот шагнет за зеркало. Поверхность его потускнела и растрескалась — слишком уж часто она воображала, как делает это.

В холле появилась старая женщина, одетая в темно-синий свитер с треугольным вырезом, откуда выглядывал широкий белый воротник блузки. Фасон «лопаточка для торта», машинально подумала Диана. Серые волосы Терезы Максвелл были коротко подстрижены, круглое добродушное лицо выражало осторожную недоверчивость. Диана представилась. Директриса повела ее по сквозной галерее в свой кабинет, где из всей мебели стояли лишь колченогий стол да два стула.

Диана достала из сумки тонкую папку с документами. Тереза Максвелл спросила:

— Вы приехали одна?

В ее тоне Диана уловила не только удивление, но и некоторое сомнение.

— Я не замужем.

Лицо пожилой женщины вытянулось. Разглядывая золотой шарик в ноздре собеседницы, она задала следующий вопрос:

— Сколько вам лет?

— Скоро тридцать.

— Вы бесплодны?

— Не думаю.

Тереза перелистала документы. Проворчала себе под нос: «Не понимаю, чем они там в Париже занимаются...» — потом в упор взглянула на Диану и объявила:

— Скажу прямо, мадемуазель: меня удивляет ваша просьба. Вы молоды, красивы, не замужем. Что вы здесь делаете?

Диана выпрямилась, заведясь с полоборота. Она два дня ни с кем не разговаривала, и голос ее прозвучал хрипло:

— Путь к вам, мадам, занял у меня почти два года. Пришлось заполнить кучу бумаг, выдержать не один «допрос с пристрастием». Посторонние люди копались в моем прошлом, в личной жизни, проверяли мои доходы и их источники. Я прошла медицинские обследования и психологическое тестирование. Оформила новые страховки, дважды прилетала в Бангкок, потратив на это целое состояние. Сейчас все мои бумаги в полном порядке и совершенно законны. Я преодолела двенадцать тысяч километров и послезавтра должна вернуться на работу, так что, если не возражаете, давайте перейдем к делу.

В комнате с бетонными стенами повисло напряженное молчание. Внезапно морщинистое лицо старой женщины просияло улыбкой.

— Идемте со мной.

Они пересекли палату с вентиляторами под потолком. На окнах колыхались легкие занавески, в воздухе, разго-

няемый волнами жара, плавал запах фенола. Между рядами кроватей с металлическими спинками кричали, играли и бегали разновозрастные дети, воспитательницы тщетно пытались их уgomонить. Казалось, что энергия детства борется с приторной атмосферой выздоровления. Очень скоро она увидела устрашающие детали. Увечья. Атрофированные конечности. Шрамы. Взгляд Дианы наткнулся на ребенка, у которого не было ни рук, ни ног. Тереза Максвелл пояснила:

— Он из Южной Индии, с другой оконечности Андаманских островов. Индуистские фанатики сначала убили его родителей — они были мусульманами, а потом изувечили мальчика.

Диану снова затошнило, и одновременно в голову пришла нелепая мысль: как эта женщина может носить свитер в такую жару? Тереза повела ее дальше, в следующую палату, где тоже стояли кровати, а под потолком летали разноцветные воздушные шары. Директриса кивнула на лежащих ничком на одной кровати девушек:

— Кхмерки. Их родители в прошлом году сгорели заживо в лагере беженцев. Они...

Диана так сильно сжала руку Терезы Максвелл, что у нее побелели пальцы.

— Мадам, — выдохнула она, — я хочу его видеть. Немедленно.

Та невесело улыбнулась:

— Он здесь.

Диана повернула голову и увидела в углу палаты маленького мальчика, ради которого вязалась в главную битву своей жизни. Он играл с лентами из гофрированной бумаги и был один, сам по себе. Она мгновенно его узнала — ей присылали полароидные снимки. Плечи мальчика были ужасно хрупкими, и Диане померещилось, что маечка вот-вот с него свалится. Бледное лицо — кожа у него была гораздо светлее, чем у других детей, — выражало невероятное напряжение и сосредоточенность.

Тереза Максвелл скрестила руки на груди:

— Ему, должно быть, шесть или семь лет. Хотя полной уверенности, сами понимаете, нет. Мы ничего не знаем ни о происхождении мальчика, ни о том, что с ним случилось. Скорее всего, он спасся из лагеря. Или его бросила мать-проститутка. Мальчика нашли в Ранонге, на улице, в толпе нищих. Он говорит на тарабарском языке, которого никто здесь не понимает. Четко мы сумели разобрать всего два слога: *лю* и *сянь*. Вот и зовем его Лю-Сянь.

Диана попыталась улыбнуться, но губы ее не слушались. Она забыла о жаре, вентиляторах и дурноте. Раздвинула левтавшие вокруг шары, опустилась на колени рядом с ребенком и замерла, любуясь своей воплощенной мечтой.

Прошло несколько бесконечных минут, и она прошептала:

— Говорите, Лю-Сянь? Ну что же, я буду звать тебя Люсьеном.

2

В детстве Диана Тиберж ничем не отличалась от других маленьких девочек.

Она была пылким ребенком и любому занятию отдавалась с вниманием, предельной собранностью и страстью. Когда Диана играла, то делала это со столь серьезным видом, что взрослые не решались ее отвлекать. Если она смотрела телевизор, то была так сосредоточенна, словно хотела впитать картинку глазами. Даже ее сон походил на волевой акт: она как будто давала зарок, что проснется утром, вылезет из-под одеяла и будет живой и красивой, как никогда.

Диана росла, доверяя миру и окружающим людям. Она обожала сказки, которые взрослые рассказывают детям на ночь, воображая свое будущее ярким и призрачно-прекрасным, как в мультяшках, детских книгах и кукольных спектак-

лях. Сердечко у нее было нежное, как пуховка, а мысли, словно легкие снежинки, кружились вокруг сказочных прописных истин. Диана точно знала, что для нее всегда найдутся прекрасный принц и фея-крестная, которая отправит ее на бал в платье из лунного света. Все было predetermined и записано — где-то там, в высших сферах. Нужно просто подождать.

И Диана ждала.

Но похитил ее не прекрасный принц, а совсем другие, злые силы.

В двенадцать лет девочка ощутила в себе перемены: у нее появились новые неясные желания, тело меняло форму, душа наполнилась смятением. Темные стремления невыносимой болью отдавались в груди. Диана рассказала о том, что с ней творится, подругам. Те в ответ только хихикали и пожимали плечиками. Диана поняла: они чувствуют то же самое, но прячутся за детской бравадой, неумеренно красясь и втихая покуривая. Такая стратегия Диане не подходила. Девочка хотела смотреть жизни в лицо, какой бы она ни была.

Она обрела беспощадную ясность мысли, научилась мгновенно разоблачать вранье и соглашательство окружающих. Мир взрослых рухнул со своего пьедестала. Те самые мужчины и женщины, которых ей вечно приводили в пример, оказались безвольными слабаками, лицемерами и лжецами, всегда готовыми пойти на компромисс.

Такой была и ее мать.

Однажды утром Диана пришла к окончательному и бесповоротному выводу: женщина, с которой она живет с самого своего рождения, не любит ее и никогда не любила. Что бы теперь ни говорила, что бы ни делала Сибилла Тиберж, личина примерной матери уже не могла обмануть ее дочь. Напротив, она все меньше ей доверяла. Слишком белокурая. Слишком красивая. Слишком чувственная. Диана перебирала в памяти мелкие детали, доказывавшие, как ей казалось, притворство матери, ее беспредельный эгоизм, жадное

желание нравиться. Сибилла ломалась и жеманничала, стоило мужчине сделать ей комплимент, а если в поле зрения оказывался достойный внимания самец, начинала неестественно громко хохотать. Все в матери Дианы было фальшивым, деланым, холодно расчетливым. Эта женщина представлялась ей средоточием лжи, а их совместная жизнь — сплошным надувательством.

Происшествие, случившееся в июне 1983 года, когда Диана возвращалась одна со свадьбы своей крестной матери Изабель Ибер, окончательно утвердило ее в этом мнении. Сибилла предпочла удалиться в другую сторону, под руку с новым любовником. Происшествие — не самое точное определение. Но именно так Диана мысленно называла несчастье, приключившееся с ней на улочках Ножан-сюр-Марна. Она отказывалась вспоминать подробности даже теперь, по прошествии стольких лет. Помнила только далекие огни ночных фонарей, шелест ив, звук дыхания из-под маски с прорезями для глаз... О том, что происшествие было жестокой реальностью, а не страшным сном, ей напоминали тонкие шрамы под волосами на лобке.

Девушка не понимала, как подобный кошмар мог стать реальностью, но твердо знала одно: во всем виновата Сибилла. Из-за эгоизма матери, полного ее безразличия ко всему, кроме собственной упругой задницы и жадной страсти любовников, заключавшей ее в заколдованный круг. Разве не поэтому она позволила дочери возвращаться домой в одиночестве? Попросту забыла о ее существовании? Нападение стало вещественным доказательством правоты Дианы. Решающим доказательством.

Диане должно было исполниться четырнадцать. Она ничего не рассказала Сибилле. Если мать останется в неведении, думала девушка, месть будет полной и совершенной. Она залечила раны в одиночестве, похоронила тайну в своем сердце и заявила, что со следующего года хочет учиться в пансионе. Сибилла спорила недолго, приличия ради, а по-

том согласилась, она была рада избавиться от дочери: эта молчаливая дылда становилась помехой в ее амурных делах.

Диана была действительно немногословна. Потому что много размышляла. Училась извлекать уроки из собственного опыта. Итак, окружающий мир, реальный, не выдуманный, — это насилие, предательство, зло. Человеком в этой жизни управляет одна-единственная непреодолимая сила — ненависть, готовая в любой миг разгореться в душе, как костер инквизиции. Диана решила, что будет изучать это могущественное чувство. Она постигнет жестокость, на которой зиждется мир, станет наблюдать за ней, анализировать.

Девушка приняла два решения.

Во-первых, сдав экзамены на бакалавра, она посвятит себя изучению биологии и этологии — науки о поведении животных. Она уже знала, что специализироваться будет на хищниках, на приемах охоты и сражений, позволяющих млекопитающим, рептилиям и даже насекомым утвердиться на своей территории и выжить благодаря убийству. Это был способ погружения в самую суть жестокости. Жестокости природной, неосознанной, лишенной какой бы то ни было мотивации, кроме простейшей логики выживания. Возможно, так она сумеет оправдать, смягчить ужас того, что с ней случилось, встроив собственное несчастье в более широкую, универсальную логику.

Так Диана собиралась лечить голову.

Для тела она выбрала вин чун, или «вечную весну», — самую эффективную и стремительную разновидность шаолиньского бокса, основанную на технике ближнего боя. По преданию, создала эту систему буддийская монахиня. В сентябре 1983-го Диана начала заниматься в специализированном спортзале, который находился в окрестностях Фонтенбло, рядом с ее пансионом. За год она достигла небывалых результатов. При высоком росте она весила всего пятьдесят килограммов, была голенастой, но гибкой, как акробатка, и невероятно накачанной.

Учителя предложили ей продолжить занятия по углубленной системе, с приобщением к вуте (доблесть, сила, железная дисциплина). Диана отказалась. Она ничего не желала слышать ни о философии, ни о космической энергии. Ей просто нужно было выковать из своего тела оружие, чтобы больше никто и никогда не застал ее врасплох.

Наставники — мудрые и невозмутимые азиаты — были обескуражены ее агрессивными ответами. Но они знали, что судьба послала им чемпионку, а такое — с философской подоплекой или без нее — случается крайне редко.

Диана стала тренироваться еще больше. Она все чаще участвовала в соревнованиях и в 86-м выиграла юношеский чемпионат Франции. В 87-м ученица Тиберж получила «серебряный пояс» на чемпионате Европы, а в 88-м стала обладательницей «золотого». Побеждала Диана в молниеносном стиле, ошеломляя судей и слегка разочаровывая зрителей. Выходя на ринг, Диана принимала наклонную стойку в максимальной близости к соперницам, не выпускала из поля зрения их руки, и те оказывались на полу, не успев найти просвет в ее обороне.

Казалось, ничто не могло остановить восхождение на олимп молодой спортсменки. Но в 1989 году Диана перестала участвовать в соревнованиях. На пороге двадцатилетия ей каким-то чудом удалось уберечь лицо и тело от травм, но рано или поздно удача от нее отвернется. Да и вообще, поставленной цели она уже добилась.

Стала такой, какой хотела стать.

Опасной во всех отношениях девушкой, к которой лучше не подходить слишком близко.

З

Диана Тиберж слушала «Frankie Goes to Hollywood» на своем басистом крошечном плеере. Она обожала эту группу. Ее музыка в стиле постдиско была сплавом лучших идей

разных направлений, в композиции присутствовал особый драйв.

«Frankie» создали крутые ливерпульские парни, настоящая уличная шпана. От них исходила особая энергия, они вопили, улюлюкали, выкрикивали смачные выражения, заводя зал. Самое пикантное заключалось в том, что группа была «голубой»: все эти вопли и непристойности словно слетали с уст потешных придворных дам Людовика XIII. Этим и объяснялись присущие музыкантам «Frankie» особая легкость и завораживающее изящество. А пятый участник группы не играл ни на одном инструменте. И почти не пел... Он просто танцевал, был «движущейся фигурой» на заднем плане, тряс плечами под кожаной курткой. Диану от всего этого охватывала дрожь: для нее «Frankie» была поистине волшебной группой.

Развеселая студенческая жизнь ограничивалась для Дианы общением с плеером. Она никуда не ходила, ни с кем не встречалась и не танцевала, тратя все свое время на штудирование трудов по этологии. Каждый вечер она возвращалась в свою однокомнатную квартиру в квартале Кардинал-Лемуан и читала Лоренца и фон Юкскюля, поедая кушанья из «Макдоналдса».

Но в тот вечер Диана решила «выйти в люди».

Натали — стервочка с биофака, прибиравшая к рукам лучшие университетские «кадры», — устраивала вечеринку: туда-то и отправилась Диана.

Пора было действовать. Теперь или никогда.

Для нее настал «момент истины».

Позже Диана часто вспоминала ту решающую ночь. Старинный дом из тесаного камня на бульваре Сен-Мишель, заглушавший шаги толстый ворс ковра на лестнице, громкую музыку где-то на верхних этажах. Она пыталась унять сердце, бившееся в такт басам, и судорожно сжимала ледяную бутылку шампанского. Высокая деревянная дверь только что с петель не слетала из-за буханья ударных. «Они ни

за что меня не услышат», — подумала Диана, давя на кнопку звонка.

Но дверь распахнулась почти мгновенно, и волна музыки едва не сбила Диану с ног. Она сразу узнала голос Холли Джонсона, вокалиста «Frankie»: «Relax! Don't do it!»¹ — и восприняла это как доброе предзнаменование. Любимая группа поможет ей справиться. На пороге стояла брюнетка с угловатым, ярко размалеванным лицом. Натали Лагор-гонь собственной персоной.

— Диана? — прокричала она. — Здорово, что пришла...

Диана улыбалась в ответ на фальшивую радость хозяйки, а та оценивала: черный жилет на перламутровых пуговицах, длинные брюки из модного черного мольтона и широченное стеганое пальто, тоже черное.

— Пришла в пижаме и со своим одеялом? — съязвила Натали.

Диана пощупала черную тафту ее платья:

— Сегодня вечером у нас маскарад, так ведь?

Натали расхохоталась, взяла у гостии бутылку шампанского и гаркнула, перекрикивая музыку:

— Входи. Шмотки можно бросить в дальней комнате.

Вечеринка была в разгаре. Диана сняла пальто и подошла к стойке с закусками — здесь тусовались те, кто не был знаком с остальными гостями. Она дала себе зарок не прикасаться к спиртному и во что бы то ни стало сохранить голову ясной, но, проскучав час в одиночестве, потягивала уже третий бокал и время от времени поглядывала на танцующих.

Все развивалось по законам жанра.

Диана не слишком часто «отрывалась», но хорошо знала ритуал вечеринок. В полночь начинался первый, «предварительный» этап. Девушки танцевали, порхали по комнате, кокетничали, встряхивали волосами и виляли бедрами,

¹ «Расслабься! Не делай этого!» (англ.)

а парни держались в стороне, ограничиваясь взглядами исподтишка, короткими улыбками и шуточками для затравки...

К двум часам ночи возбуждение усиливалось. Музыка начинала звучать громче. Алкоголь побеждал робость, сметая все табу. Запретных желаний не оставалось. Самцы с воинственным кличем переходили в наступление, пикируя на добычу. И снова «Frankie» довела всех до испуга. И снова «Two Tribes». Диана знала каждую ноту, каждую фиоритуру этой антивоенной песни-протеста, сыгранной музыкантами в бешеном, заводном темпе.

Она отдалась музыке и начала танцевать, стараясь, чтобы ей не оттоптали длинные, как у кузнечика, ноги. Краем глаза Диана ловила взгляды окружающих и не верила своим глазам. Она не только была ужасно застенчива, но и внушала робость окружающим. Ее красота, волнистая грива и высокий для женщины рост обычно держали претендентов на расстоянии. Но в тот вечер все вышло иначе: несколько смельчаков заговорили с Дианой.

Ее тело растворялось в звуках, витало в такт мелодии, не касаясь танцующих. Какой-то тип схватил ее за руку, приглашая станцевать рок. На любой танцплощадке всегда находится кто-то, жаждущий выпендриться. Диана резко отпрянула. Нет. Она не танцует рок. Нет. Ее нельзя брать за руку. Никто не смеет ее трогать. Парень засмеялся и затерялся в толпе.

Диана на мгновение застыла, с ужасом глядя на свою руку, как будто чужое прикосновение обожгло ее. У нее закружилась голова, она сделала шаг назад и сползла вниз по стенке. Нащупала стоявший на полу бокал, залпом допила вино и замерла, сжимая в пальцах хрупкую ножку. Ее переполняла печаль. Жестокая правда снова напомнила о себе: она не переносит тактильного контакта. Ее нельзя приласкать, к ней даже нельзя прикоснуться. У нее фобия на чужое тело.

К трем утра выбор музыки стал более эзотерическим: Лори Андерсен запела «O Superman». Под эту странную,

колдовскую колыбельную вступил в свои права час «последнего шанса». В полутьме комнаты под речитатив Лори раскачивалось несколько одиноких призраков. Неутомимые охотники. Отказывающиеся признать поражение бедняжки.

Диана смотрела на помятые лица, и ей казалось, что она очутилась на усеянном телами убитых и раненых поле битвы. Она взяла пальто, осторожно проскользнула мимо заставленной пустыми бутылками стойки. Мысленно Диана была уже на улице, воображая, как глотнет ледяного воздуха, протрезвеет и обдумает свое поражение.

В этот момент кто-то обнял ее за талию.

Она крутанулась на каблуках, напрягшись как струна, и прислонилась к буфетной стойке.

Ее взяли в кольцо трое сильно поддатых парней.

— Смотрите-ка, ребята, тут есть чем поживиться...

Один из обидчиков снова протянул руки к Диане. Она уклонилась и вернулась к стойке. Скинула пальто, взяла бокал и сделала вид, что пьет, надеясь, что пьяные кретины отстанут, но кто-то засопел ей в затылок. Бокал разлетелся у Дианы в руке на осколки. Она заметила на одном из осколков след от губной помады и прикрыла его ладонью, чувствуя, как стекло рассекает кожу.

— Убирайтесь к черту...

Парни у нее за спиной гнусно захихикали:

— Ой-ой, посмотрите-ка на эту недотрогу...

Жгучие слезы потекли из-под роговой оправы ее очков. Диана отчетливо подумала: «Не делай этого». Но один из придурков начал издавать неприличные звуки прямо ей в ухо, бормоча что-то о «мохнатках», «щелках» и «сладких местечках». «Не делай этого», — вновь сказала себе Диана, снимая очки и закалывая волосы. Другой парень воспользовался моментом и сунул руки ей под жилет. Горячие пальцы коснулись сосков, он просюсюкал:

— Не дразни меня, цыпочка, а то...

Хруст ломающейся челюсти заглушил мелодию «Art of Noise».

Парень отлетел к камину и разбил лицо о мраморный выступ. Диана провела удар локтем. Она успела подумать: «НЕТ», но ее рука уже наносила другому обидчику удар по ребрам, именуемый «бычья челюсть». Кости хрустнули, парень рухнул на стойку с закусками, потянув за собой ска-терть, зазвенели тарелки и бокалы.

Диана замерла: главное в технике вин чун — расслабление и дыхание. Третий поддон испарился, и она вдруг осознала, что все на нее смотрят и ошарашенно перешептываются. Она надела очки, потрясенная не жестокостью сцены и не приключившимся скандалом, а собственным спокойствием.

Откуда-то справа донесся срывающийся голос Натали:
— Ты... ты... ты что, больная?

Диана медленно повернулась к темноволосой хозяйке дома:

— Мне очень жаль.

Она пошла к двери, обернулась и на пороге крикнула через плечо:

— Мне очень жаль!

Бульвар Сен-Мишель не обманул ожиданий Дианы.
Пустынный, ледяной и залитый светом.

Диана шла, глотая слезы: она чувствовала себя уязвленной, но и наконец свободной. Ей нужны были доказательства, и она их получила. Отныне и навсегда ее жизнь будет протекать *вне* круга, *вдали* от других людей. Она мысленно вернулась к тому, с чего все началось. К жестокому нападению, которое убило в ней главнейший и самый естественный инстинкт, превратив ее тело в неприступную крепость с прозрачными стенами.

Она вспомнила шелест ив и мерцавшие вдалеке фонари.

Как наяву ощутила во рту вкус травы, почувствовала на лице дыхание насильника.

Литературно-художественное издание

ЖАН-КРИСТОФ ГРАНЖЕ
БРАТСТВО КАМНЯ

Ответственный редактор Галина Соловьева
Художественный редактор Вадим Пожидаев
Технический редактор Татьяна Раткевич
Компьютерная верстка Светланы Шведовой
Корректор Анна Быстрова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 15.06.2016. Формат издания 60 × 90 ¹/₁₆.
Печать офсетная. Тираж 4000 экз. Усл. печ. л. 22. Заказ №

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

16+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119334, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А
ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А.
www.pareto-print.ru

ПО ВОПРОСАМ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ОБРАЩАЙТЕСЬ:

В Москве: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (495) 933-76-01, факс: (495) 933-76-19
E-mail: sales@atticus-group.ru; info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге: Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
Тел.: (812) 327-04-55, факс: (812) 327-01-60. E-mail: trade@azbooka.spb.ru

В Киеве: ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
Тел./факс: (044) 490-99-01. E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах на сайтах:
www.azbooka.ru, www.atticus-group.ru

Информация по вопросам приема рукописей и творческого сотрудничества
размещена по адресу: www.azbooka.ru/new_authors/

YRBD1966501R